

Автор с большим уважением посвящает этот роман легендарному Алану Дину Фостеру и памяти ныне покойного великого Брайана Дейли за то, что они показали нам высокий класс писательского мастерства.

Низкий поклон вам за это.

Мы у вас в долгу.

Благодарности

Я хочу выразить свою признательность людям, без которых этот роман бы не стал таким, какой он есть: Майку Коггу, который посоветовал мне описать завершение военной карьеры Люка; Карен Трэвисс за вовремя сделанный небольшой перевод; Сью Ростони, Лиланду Чи и всем ребятам из Lucasfilm за постоянную поддержку и экспертную помощь; Шелли Шапиро, моему редактору из Del Rey, которая сворачивала настоящие горы, чтобы приободрить меня, за ее неистощимое терпение и потрясающую скорость, с которой она выпестовала идею до готовой книги; Робин, моей возлюбленной жене, которую «Звездные Войны» время от времени лишали мужа и которая совершала самый героический подвиг — жила со мной, пока я медленно и кропотливо продирался сквозь перипетии этой книги.

Давным-давно в далекой-далекой галактике...

Задание

Лорц Джептан стоял под дверью у начальства и боялся даже дышать. Безусловно, это было чересчур: именно его, и никого другого, вызвали пред очи самого Люка Скайуокера. Джедая. И не просто джедая, а сына Энакина Скайуокера. И Джептан вот-вот окажется с ним лицом к лицу!

Он потянул за воротник парадного мундира, пытаясь сделать его хотя бы немного просторнее. Но это оказалось невыполнимо. Он поморщился: разумеется, портной ошибся, и в который раз. Не мог же Джептан опять набрать вес с тех пор, как справил этот костюм. Или мог? Сколько там прошло, три месяца? В его-то преклонном возрасте — а пошел уже восьмой десяток — пора остановиться на каком-то одном размере одежды и успокоиться.

Впрочем, на своем веку он никогда не жаловал парадной формы. Несколько десятков лет назад, в начале Войн клонов, он расстался с ней на своей родной планете, переодевшись в штатское: в те дни республиканская разведка большей частью действовала тайно, и мундиры ей были без надобности. Он ушел из разведки незадолго до того, как она стала имперской; его расследование так называемого мятежа джедаев обнажило множество неприглядных фактов, которые имперская власть предпочла замолчать, и Джептану пришлось долгие годы добывать себе средства

к существованию в качестве вольного торговца информацией, тщательно избегая внимания властей.

В конце концов он предложил свои услуги Альянсу повстанцев. И хотя его мало интересовали политические взгляды Альянса — в первую очередь его глубоко заботили собственная безопасность и благополучие, — он осознал, что молодое и зеленое доморощенное правительство, которое повстанцы хотели привести к власти, предоставит ему больше возможностей и полную свободу творить что угодно и как угодно. Иными словами, привольно жить и плодотворно работать в тени, за пределами бдительного ока властей.

И вот по иронии судьбы где он сейчас оказался?..

Джептан вздохнул. Человек предполагает, судьба располагает. Впрочем, из всего можно извлечь пользу... Он опять вздохнул и поднял руку, чтобы нажать на кнопку звонка. Но дверь уже скользнула в сторону, и голос, в котором не было слышно ожидаемого юношеского задора и бодрости, произнес:

— Инспектор Джептан, пожалуйста, проходите.

Служащий снова поморщился. Он более двадцати лет прекрасно жил в Галактике без джедаев и не особенно желал их возвращения.

Сделав глубокий вдох, он вразвалку перебрался через порог.

— Генерал Скайуокер, — поздоровался он с легким поклоном. Юридическая служба не являлась частью армии, и честь он отдавать не стал, но благожелательно улыбнулся вышестоящему. — Чем могу служить?

Молодой генерал сидел на краешке собственного стола, наклонив голову и скрестив руки. Он был одет в гражданское — облегающую одежду такого глубокого черного цвета, что невольно вспоминались доспехи его знаменитого отца. Джептан почувствовал укол досады: если бы он

знал, что Скайуокер будет не в форме, то облачился бы в удобный свитер вместо этого проклятого тесного мундира.

Юнец поднял голову, будто ощутив раздражение посетителя — а может, и вправду что-то почувствовал? Космос поberi этих джедаев...

— Инспектор Лорц Джептан, — размеренно обратился к нему Скайуокер, — я немного наслышан о вас. Вы командовали вооруженными силами и планетарной разведкой Конфедерации Независимых Систем во время Войн клонов.

Служащий ощутил, как и без того тугой воротник еще сильнее сжал горло.

— Очень недолго. В начале Войн кло...

— А затем стали республиканским шпионом.

— М-да...

— А затем вы зарабатывали на жизнь, выслеживая для охотников за головами их жертв...

— Не только для них!

— А теперь вы следователь в юридической службе. Из всего этого ясно одно — у вас бесспорный дар.

Джептан осторожно переспросил:

— Какой?

— Талант докапываться до истины.

У служащего отлегло от сердца.

— Ну что вы, мне очень приятно...

— И хорошо на этом зарабатывать.

— Эм-м...

Джептан прочистил горло, но не нашелся, что сказать.

Скайуокер поднялся на ноги. На его лице лежала печать забот, а морщины были глубже, чем обычно бывает в двадцать четыре года. Казалось, он не спал уже несколько дней. Его чуть пошатывало, а под глазами залегли глубокие, почти фиолетовые, тени. Но еще глубже была тьма в его взоре.

— Итак, вот что я знаю о вас. А что вы знаете обо мне?

Джептан моргнул:

— Генерал?

— Смелее, инспектор. — В голосе юнца прозвучала бесконечная усталость. — Все обо мне что-то знают. А что знаете вы?

— Ну так, по верхам — Татуин, Явин, Эндор, Бакура, первая и вторая «Звезды Смерти»... — Служащий понял, что бессвязно бормочет, и замолчал.

Скайуокер кивнул:

— По верхам. Байки. Официальные сообщения. Трудность в том, что в байках и официальных сообщениях говорится вовсе не обо мне. Они про того, кого все хотят во мне видеть. Вы понимаете?

Джептан взглянул на вышестоящего с опаской, почуяв, что они ступили на зыбкую почву.

— Я боюсь, что нет, — осторожно ответил он.

Генерал, устало вздохнув, кивнул:

— Это потому, что вы не в курсе, что меньше месяца назад я убил примерно пятьдесят тысяч невинных существ.

Собеседник вытаращил на него глаза, а затем моргнул и снова прочистил горло, сообразив, о чем только что говорил юный джедай.

— Вы о Миндоре?

Глаза Скайуокера закрылись. Он вздрогнул, будто увидев что-то страшное под веками.

— Да, о нем. Я говорю «примерно», потому что не знаю точное число. И никто не знает. Все сведения погибли вместе с планетарной системой.

— Насколько я слышал, вашу победу в битве при Миндоре едва ли можно назвать убийством...

— Насколько вы слышали? Опять эти байки...

— Ну, я слышал, что... То есть... — Джептан осторожно прокашлялся. — А что, собственно, вы хотите мне поручить?

— Вы следователь. Вот и расследуйте.

— И что я должен расследовать?

— Миндор. — Лицо Люка перекоилось. — Мои действия.

Он был само страдание. Или все страдания во Вселенной одновременно.

— Ох, я... м-м... — Служащий уже мысленно прикинул с десятков способов сколотить на этом поручении небольшое состояние. — Если позволите, могу я узнать, каким образом возникла моя кандидатура?

Скайуокер отвел взгляд:

— Вас рекомендовал один старинный друг.

— Правда? А как ваш старый друг...

— Это был не мой, а ваш друг, — уточнил молодой генерал. — Его зовут Ник.

— Ник? — Джептан нахмурился. — Я не знаю никакого Ника...

— Он просил передать вам это. — Скайуокер протянул ему что-то блестящее, будто бы из металла, и изогнутое, как крючок. — Осторожно, оно острое.

Служащий робко взял предмет. И как только тот коснулся его ладони, его память заполонили образы коротко стриженного темнокожего человека с самоуверенной улыбкой и пронзительным взглядом голубых глаз.

— Ник Росту? — выдохнул он. — Я не вспоминал о нем много-много лет... Я думал, он давно погиб.

Юноша пожал плечами:

— Возможно, так и есть.

— Не понимаю... — Но Джептан уже начинал понимать. Предмет в его руке был привезен с его — и Ника Росту — родной планеты.

Это была колючка с медной лозы.

— Стало быть, он был прав насчет вас. — Скайуокер кивнул в сторону колючки. — Он сказал, что вы способны считывать информацию с предметов. Что прикосновение к ним рассказывает вам об их владельцах.

Собеседник пожал плечами. К чему все отрицать?

— Это скромный, но полезный для аналитика дар.

— Или для следователя.

Джептан еле заметно кивнул:

— И что еще обо мне поведал Росту?

— Он сказал, что вы безнравственный, продажный и дурной человек и что в вас нет ни следа порядочности, а человечности ровно столько, сколько у ледниковой ящерицы.

Служащий с каменным лицом кивнул:

— Это вполне в его духе.

— Еще он сообщил, что вы мужественный и смелый человек и никого умнее он в жизни не встречал и что если вы начали дело, то обязательно доведете его до конца. Что вы не любите джедаев, но вам все равно, кто правит Галактикой, пока вы можете достойно жить. И все это говорит о том, что вы самый подходящий кандидат.

— А в чем, собственно, будет состоять моя работа?

— Заведите дело. Поговорите со всеми, кто пережил Миндор. Соберите факты, выстройте единую картину. Выдвиньте обвинение.

— Какое обвинение?

— В военных преступлениях, — мрачно произнес Люк. — В преступлениях против цивилизации, преступной халатности, дезертирстве. Во всем, что обнаружите.

Джептан склонил голову набок:

— А кому я его предъявлю? Кто этот военный преступник, которого вы хотите обвинить?

— Я думал, это очевидно. — Тьма в глазах Скайуокера сгустилась еще сильнее, грозя поглотить юношу целиком. — Речь обо мне.

— Я возьмусь, — заявил Джептан.

Кто бы что обо мне ни рассказывал, это не меняет того, кто я такой на самом деле.

Люк Скайуокер

Прошло шесть месяцев после разрушения второй «Звезды Смерти» и низвержения императора Палпатина. Люк Скайуокер и победоносный Альянс повстанцев по-прежнему борются с остатками вооруженных сил Империи, которые упрямо пытаются уничтожить все, что есть хорошего в Галактике.

Облаченные в черную броню штурмовики под командованием таинственного военачальника совершают набеги на еще не оперившуюся Новую Республику, занимаясь пиратством и грабежами везде, где образовалось временное безвластие после развала Империи. Их неожиданные нападения подрывают веру Галактики в способность Республики поддерживать порядок и безопасность.

Где-то в глубоком космосе, на Кореллианском торговом пути, отборная эскадрилья Альянса готовит для налетчиков ловушку...

ГЛАВА 1

«Королева Кореллии» была у всех на устах: ее считали самым пышным лайнером, бороздившим пространство, межзвездным дворцом, роскошью, которую могли себе позволить далеко не все, а лишь те, кто баснословно богат. По слухам, по цене одного-единственного коктейля не в самом престижном ресторане «Королевы» можно было купить целый космический корабль; а полный обед стоил как корабль, порт, где он стоял, и завод, где он был собран. Нельзя было просто взять и оплатить место на «Королеве Кореллии»: одного толстого кошелька было недостаточно. Чтобы вступить без оглядки на путь неумеренности и излишеств, нужно было доказать, что твои манеры превосходны, а происхождение столь же высоко, как и цены в барах лайнера. Само собой, все это делало корабль лакомым кусочком для террористов: кого же еще брать на прицел, как не избранных из избранных, могущественнейших среди могущественных, величайших среди великих?

Так что когда один, по-видимому, нечистоплотный экспедитор из глубоких недр корпорации «Пределы туманности» втихую предложил на продажу определенным группировкам повсюду, от Киндлабетии до Нар-Шаддаа, наводку на возможный маршрут «Королевы» в предстоящем круизе, это вызвало живой интерес.

Впрочем, два относящихся к делу факта остались сокрытыми от конечного покупателя. Первый состоял в том, что этот предположительно нечистоплотный служащий не был нечистоплотным, да и в сущности служащим-то не был, а являлся умелым и опытным агентом разведки Новой Республики. Второй важный факт заключался в том, что «Королева» и вовсе не совершала круиз в этом сезоне, а вместо нее бороздить просторы космоса отправилась пустая оболочка, годная только на то, чтобы до поры до времени служить тайным вместилищем целого полка истребителей под командованием — как это было принято — знаменитых пилотов Разбойной эскадрильи.

* * *

Именно в тот момент, когда R4-G7 завопил об опасности сближения, а внутришлемный дисплей пилота высветил шесть значков СИД-защитников, висящих у него на хвосте, лейтенант Дерек Кливиан по прозвищу Хобби из почившего Альянса за восстановление свободы в Галактике, а ныне Новой Республики, начал подозревать, что блестящий замысел командера Антилеса устроить засаду не был таким уж блестящим, и тогда он прямо, без экивоков, высказался об этом. Если опустить сказанное сгоряча, его комментарий звучал так: «Ведж, план был дурацкий. Как слышно? Ду-рац-кий, ду... Ой-й!»

«Ой» означало, что множественные попадания только что испарили его орудие правого борта и значительную часть крыла, на которое оно крепилось. Кливиан вцепился обеими руками в ручку управления и давил обеими ногами на регуляторы высоты, силясь выровнять полет срывающегося в пике корабля. Ему это почти удалось, но тут пара СИД-защитников, шедшая первой, вдруг превратилась в два вздувшихся шара из пламени и разлетающихся во все стороны обломков. Две огненные волны настигли его как

нельзя нестати, и Х-истребитель Кливiana, кувыркаясь через нос, полетел прямо навстречу другой группе СИДов, мчащихся к нему в лоб. Или в хвост? Нет, в лоб... И снова в хвост, и так до бесконечности...

Затрещал корабельный комлинк, и мимо промчался истребитель Веджа Антиллеса — да так близко, что Хобби различил на лице старшего по званию ухмылку.

— Надо говорить «План был дурацкий, сэр!», лейтенант.

— И что тут смешного?

— Ну, если ему не смешно, то я просто животик надорвал, — вклинился еще один пилот, который был у Хобби ведомым.

— Когда я захочу ознакомиться с твоим мнением, Дженсон, я обращу твою машину в пыль и поищу его среди обломков.

Звезды стремительно совершили полный оборот вокруг лобового щита истребителя, и ломоть копченой корейки из террафина, съеденной на завтрак, неудержимо запросился наружу. Решительно вцепившись в ручку управления, Кливиан ухитрился чуть подправить вращение корабля, так, чтобы тот оказался обращен носом к преследователям. Космос прочертили красные полосы, вырвавшись из трех уцелевших пушек, и строй СИДов лопнул, как перезрелый снекфрут.

Хобби взорвал этим залпом только одного, но пара осколочных торпед с неконтактным взрывателем, которые он предусмотрительно выпустил одновременно с выстрелом из пушек, ушла по расходящимся дугам, чтобы оказаться на пути врагов. Снаряды эффектно взорвались, и три оставшихся СИД-защитника раскололись, словно тухлые яйца.

— А вот теперь дела пошли на лад, — возликовал Кливиан, борясь с управлением поврежденного корабля. — Суфле из «колесников» — пальчики оближешь!

— Осторожнее, Хобби. Продолжишь в том же духе — и могут подумать, что ты на этой штуке летать умеешь!

— Ты вообще в бою, Дженсон? Или отлыниваешь да шуточки глупые отпускаешь, пока я пашу как проклятый?

— Я еще не решил. — X-истребитель Уэса Дженсона возник из ниоткуда и быстро промчался впритирку к его борту. — Может, я протяну руку помощи. Или, точнее, парочку торпед...

Из торпедных аппаратов вырвались две сверкающие голубоватые звезды и помчались навстречу СИДам.

— Эй, Уэс! — Хобби передернуло. — Ведь это же были не осколочные торпеды, да?

— Они, конечно, какие же еще?

— Ты вообще заметил, что машина меня почти не слушается?

— Что-что? — с искренним недоумением в голосе переспросил Дженсон. И спустя секунду, понаблюдав, как истребитель Кливиана хромает навстречу конечной цели его торпед, произнес: — А, понятно. Извини!

Осколочные торпеды Разбойной эскадрильи были разработаны и собраны специально для этой операции. Их основное предназначение заключалось в том, чтобы уничтожать СИД-защитников.

Этот тип кораблей был самым важным в имперской военно-космической программе. Машина была быстрее и маневреннее «Инкомов» Т-65, больше известных как X-истребители; быстрее даже, чем самые новые и новейшие 65В, бывшие в ходу у Разбойной эскадрильи. Кроме того, СИД-защитник был лучше вооружен: помимо лазерных орудий, на нем имелись спаренные ионные пушки, а также пусковые установки двойного предназначения, способные выпускать как протонные торпеды, так и ударные ракеты. А щиты-отражатели, которые вырабатывали вдвоенные генераторы от «Новалдекс», были почти такими же мощными, как на крупных боевых кораблях.

Впрочем, СИД-защитники не обладали противоударными щитами, и в столкновении с материальными объектами вся надежда возлагалась на усиленный титаном корпус.

В каждую протонную торпеду наряду с традиционным взрывчатым веществом вложили тысячи маленьких зазубренных кусочков дюралюминия. После детонации они превращались в быстро расширяющееся облако шрапнели и развивали приличную скорость. Оказываясь на пути СИД-защитников, они представляли собой значительную угрозу, так как сила соударения объектов зависит от их относительной скорости. А на тех скоростях, которые обычно развивались в бою, попадание в облако дюралюминиевой дробы могло превратить истребитель в неприлично дорогую кухонную терку.

Четырех защитников из середины строя просто разнесло в щепки. Летевшим сбоку кораблям удалось отпрянуть в сторону, но мгновение спустя их догнали две новые ударные волны: взрыв энергоядра одного СИД-защитника повлек за собой взрывы энергоядер остальных трех, и теперь горемычного лейтенанта Кливвиана влекло прямо в небольшую туманность из плазмы, озаренную таким количеством жесткого излучения, что пилот чувствовал себя как стейк из банты на обсидиановой сковородке под лучами двух солнц Татуина в зените.

— Машину не спасти, Хобби, — окликнул его Дженсон. — Катапультируйся!

— Да ты что, правда, что ли? — огрызнулся сквозь зубы Кливвиан, упрямо стараясь совладать с управлением. Беспорядочное вращение истребителя начало замедляться. — У меня все схвачено, Уэс!

— Космос тебя побери, немедленно катапультируйся, Хобби, немедленно!

— Порядок, Уэс, я сейчас, только... Только...

Нос его истребителя замер неподалеку от края расширяющегося облака обломков, летевших ему навстречу

почти со световой скоростью, и Хобби Кливиан, признанный мастер сквернословия и бранной лексики, а также знаток пошлостей на добром десятке языков, распространенных в сотнях звездных систем, не нашелся что сказать, кроме:

— Твою ж мать...

Он задрал нос истребителя вверх и врубил досветовые двигатели, чтобы уйти по касательной, но он и раньше знал, что именно ему из всей эскадрильи не стоит надеяться на удачу. Он положил руку на рычаг катапульты.

И как только он это сделал, корабль затрясся и задребезжал, будто Хобби застрял головой в гонге, которым вуки сзывают на ужин. Должно быть, вуки страшно проголодались, потому что лязганье все продолжалось и становилось все громче, а рычаг таинственным образом никак не хотел срабатывать. Впрочем, тайна эта быстро разрешилась, когда через дыру размером с кулак в колпаке кабины со свистом вырвался наружу воздух. У дыры были зазубренные края, потому что проделавшую ее шрапнель замедлил титановый сплав в днище корабля. Что же тогда говорить о панели управления, откуда шрапнель не только унесла с собой весь механизм включения катапульты, но и левую ладонь пилота?

Хобби уставился на свое начисто срезанное запястье, испытывая скорее неудовольствие, нежели панику. Не было ни крови, ни обожженной плоти — только искры и дым от перегревшихся сервомоторов. Он давно потерял свою настоящую левую руку — еще до Явина.

Гораздо больше его тревожил свист вылетающего в отверстие воздуха, и он обнаружил, что в системе жизнеобеспечения его скафандра потек генератор кислородно-азотной смеси.

Он подумал: «Вот отстой...» Стоило пережить ужасы Галактической гражданской войны, чтобы погибнуть от

небольшой неполадки оборудования! Он исправился: «Преотстойнейший отстой!»

Он не стал говорить это вслух: в кабине не было достаточно воздуха, чтобы там распространялся звук.

От покалеченной левой руки теперь не было никакого проку, и Хобби решил заткнуть ею дыру в колпаке кабины. Автоматика его скафандра заклеила зубчатые края отверстия, но генератор воздуха не смилоствивился. И к тому же стало явственно припекать позвоночник, будто к спине прикрутили незащищенный термоядерный сердечник.

Разумеется, подумалось пилоту. Наверняка есть еще одна дыра.

Он утопил кнопку отстегивания привязных ремней, изогнулся и потянулся левой ногой вниз, ощупывая пол кабины носком ботинка. Отверстие нашлось, и растущее давление тут же затянуло ногу, не став ждать, пока автоматика запечатает дыру. Кливиан ощутил еще одно-два попадания в корабельное брюхо, но не смог определить с уверенностью, на месте ли его левая ступня.

Прошло уже несколько лет с тех пор, как она у него вообще была.

Как только кабина загерметизировалась, генератор постепенно пришел в чувство и стал производить вполне годный для дыхания воздух, лишь немного отдававший паленым волосом, и Хобби уже начал думать, что все обойдется. Единственная трудность заключалась в том, что ремни безопасности были отстегнуты, а сам он распят по кабине на боку в крайне неудобной позе, в которой было невозможно даже повернуть голову, чтобы понять, куда движется истребитель.

— R4, — тихо позвал он. — Ты сможешь довести нас до точки сбора?

Ответ дроида-астромеханика он все-таки сумел рассмотреть, даже несмотря на свою скрюченную позу. Этим ответом был прерывистый столб искр и несколько случайных

электроразрядов, вырвавшихся из купола дроида, который уменьшился ровно наполовину.

Пилот вздохнул.

— Ладно, — произнес он в передатчик. — Катапульте каюк, астродроиду тоже. На борту инвалид, одна штука. Спасайте меня, что ли.

— Я сейчас малость занят, Хобби. Мы вернемся за тобой, как только разделаемся с этими СИДами.

— Ага, не спешите. Я никуда не денусь. Разве что вон туда — медленно, очень медленно...

Остаток битвы он провел, надеясь, что ему поможет Сила. Когда Ведж выслал ему подробности плана спасения, он тихо взмолился: «Пусть, пусть это будет Тайко! Или Нин. Или Стандро — кто угодно, только не Дженсон!»

Он стал молиться об этом так, как, по словам Люка, обычно медитируют: закрыл глаза и представил, как Ведж самолично прилетает к нему и буксирует его истребитель к точке сбора. Спустя несколько минут Хобби понял, что это маловероятно — так повезти ему просто не могло, и он принялся перебирать в памяти других Проныр, а когда ему это надоело, он решил, что за ним прилетит сам Люк. Или Лея. Или, скажем, Уинсса Старфлер — блистательная, сильная, независимая молодая особа, которую порой приходилось выручать из беды в тех старых довоенных имперских голодрамах. Все равно он тут мечтает о всяком несбыточном — так пусть это хотя бы его развлечет.

Эти мысли оказались настолько приятны, что он чуть не заснул, широко улыбаясь, и чуть не пропустил момента, когда ход битвы был переломлен.

Но улыбка стремительно угасла, когда сквозь веки прорвалась особенно яркая вспышка, и он очнулся в мрачной уверенности: что бы ни взорвалось рядом с кораблем, оно его точно укокошит. Но последовала вторая вспышка, а вслед за ней и третья, и Хобби, поморщившись от боли, разглядел, что в нескольких метрах от него идет истреби-

тель Уэса Дженсона. Вдобавок товарищ прижал к колпаку объектив камеры, которой делал снимок за снимком.

Кливиан снова прикрыл глаза. Он предпочел бы такому исходу взрыв.

— Я просто обязан был это запечатлеть. — Улыбка Дженсона была озорная, но добрая. — Ты выглядишь так, будто родился от брака пилота истребителя с батравийским смолоедом.

Хобби устало покачал головой: иметь дело с дженсоновским своеобразным чувством юмора всегда его утомляло.

— Уэс, я даже не знаю, кто это такой.

— Еще как знаешь, Хобби! Пилот истребителя — это тот парень, который летает на X-истребителе и не взрывается. Посмотри в толковом общегалактическом словаре! Хотя я понимаю, что тебя смутило.

— Да нет же, я о... — Кливиан до крови закусил губу. — Гм, Уэс?

— Да, приятель?

— Я сегодня говорил тебе, как сильно я тебя ненавижу?

— Разумеется. Но на словах одно, а по глазам я вижу, что...

— Что когда-нибудь я задушу тебя во сне?

Дженсон хихикнул:

— Что-то в этом роде.

— Все закончилось, а?

— Пока да. Они почти все смылись.

— А как наши?

— Восьмой и одиннадцатый сбиты, но Эван и Фейлис катапультировались. Ничего серьезного: пара неделек в бакта-камере — и будут как новенькие. Ну и, конечно, мой ведомый батравийский смолоед...

— Сам ты ведомый, дубина. Я бы даже сказал — веданутый. — Кливиан тяжело вздохнул. — А Ведж небось все равно прыгает от счастья — все прошло по плану...

— Ненавижу этот твой тон.

— Да? И почему же?

— Не знаю... Просто у меня от твоего нытья сосет под ложечкой. Давай я наконец прицеплю трос, а дальше можешь и подремать: до точки сбора еще грести и грести.

— Ничего против не имею, — обронил Хобби, опуская веки. — У меня как раз подходящий сон недосмотрен...

* * *

— Отлично справились, Ведж! — Генерал Лэндо Калриссиан, командующий войсками специального назначения Новой Республики, с одобрением кивнул голубой мерцающей фигурке Антиллеса, парившей над его рабочей панелью. — Потери были?

— Ничего серьезного, генерал. Хобби... То есть лейтенанту Кливиану понадобится еще одна левая рука...

Лэндо усмехнулся:

— В который раз это будет, а?

— Я уже потерял счет. А у вас как дела?

— Хорошо, да не очень. — Бывший предприниматель вывел на экран результаты слежения. — Похоже, что наши налетчики засели в Таспанской системе.

Блестящий план Веджа получился таким блестящим целиком по необходимости: обычный метод обнаружения пиратских баз — а именно: подвергнуть одного-двух взятых в плен пилотов нейронному зондированию — ко всеобщему удивлению, оказался неприменим. Главарь налетчиков по имени Ар Макабр очень пекся о сохранении в тайне своего местопребывания: несмотря на десятки набегов в течение почти двух месяцев, совершенных глубоко на территории Новой Республики и стоивших множества

жизней ее жителям, ни один из его налетчиков не был захвачен живым.

И это был не просто отказ сдаться в плен. Оказавшись в непосредственной опасности, налетчики выказывали прискорбную тенденцию: прокричав «За Макабра! Да возродится Империя!», они немедленно подрывали себя. Инженеры-криминалисты, обследовавшие обломки СИД-защитников, предполагали, что корабли были оснащены неизвестным механизмом, который уничтожал истребитель и убивал пилота даже в том случае, если тот просто терял сознание.

Самым блестящим пунктом блестящего плана Веджа было спрятать в осколочных торпедах Разбойной эскадрильи посреди картечи сотни тысяч миниатюрных маячков, а затем задать налетчикам хорошую взбучку и отпустить выживших восвояси. В отличие от обычных следящих устройств эти маячки сами по себе не передавали никакого сигнала и поэтому не требовали источника питания, из-за чего их было достаточно трудно обнаружить. Они бездействовали до тех пор, пока их не достигал особенный досветовой сигнал, на который они откликались не менее особенным образом. А поскольку такие маячки загружались всего однократно и исключительно в торпедные аппараты Разбойной эскадрильи, а после успешной засады, устроенной во тьме глубокого космоса близ Кореллианского торгового пути, застряли в обшивке совершенно определенной группы СИД-защитников, то обнаружить систему, в которую сбежали означенные СИДы, становилось совершенно несложной задачей.

Лицо голографического Веджа приняло озадаченное выражение.

— Таспан... Звучит знакомо, но не могу вспомнить, где это...

— Во Внутреннем кольце, чуть в стороне от Хайдианского пути.

— О, это как раз не очень хорошо.

— Да уж. Напрямик ни добраться, ни выбраться, и большинство входящих гипертрасс пролегает через системы, где до сих пор правят имперцы.

— Прямо хочется добыть один из старых добрых Палпатиновых планеторазрушителей!

— Хочется... — Лэндо перестал улыбаться, и следующие его слова прозвучали куда серьезнее: — Империя производила на Таспане-2 оружие: именно там испытывали разные типы генераторов гравитационного поля...

— Ага, вспомнил! — Голубоватый силуэт беззвучно шелкнул пальцами: шумовой фильтр голопроектора счел этот звук лишним и заглушил его. — Большой Бум!

Лэндо кивнул:

— Большой Бум.

— Я слышал, что от Таспана ничего не осталось, кроме астероидных полей — как на Алдераанском кладбище...

— Есть еще одна планета — Таспан-1, небольшой курорт, который называется Миндор. Этот мир не слишком известен, но там очень красиво. Мои родители, когда я был маленький, держали там летний домик.

— Что-нибудь еще удалось узнать о личности этого Макабра?

— Мы узнали только, что никого с именем Ар Макабр в актах гражданского состояния Империи не значится. Очевидно, что имя ненастоящее.

— Парниша, должно быть, чокнутый.

— Сомневаюсь. Базу он выбрал на редкость удачно: останки планеты после Большого Бума еще не распределились по постоянным орбитам.

— Значит, это вроде Алдераанского кладбища.

— Это хуже, Ведж. Гораздо хуже.

Светящийся образ Антиллеса, казалось, присвистнул — снова неслышно из-за шумового фильтра голосвязи.

— Звучит погано. Ну и как нам их выкурить?

— А ты и не выкуришь. — Лэндо глубоко вздохнул и продолжил: — Это как раз тот случай, для которого мы создали Оперативную группу быстрого реагирования.

Голографический Ведж медленно, понимающе кивнул:

— Огреем их нашей большой дубиной, значит. Бахнем по ним хорошенько и смоемся.

— Ничего лучше у нас нет.

— Думаю, ты прав: обычно так и бывает... Но это обидно — просто остаться в стороне.

— Куда уж правее... Но нам тоже есть чем заняться — да и ОГБР находится в надежных руках.

— Принято. — Ведж вдруг ухмыльнулся. — Кстати, говоря об этих надежных руках... Передавай мой теплый привет генералу Скайуокеру.

— Передам, Ведж. Не сомневайся.

ГЛАВА 2

Схематичное голоизображение Таспанской системы заполняло все пространство в штабном зале «Справедливости»: голубовато-прозрачные сияющие облака медленно кружились и поворачивались, сливались и разделялись, проплывали сквозь друг друга. Посередине зала у потолка висел темный диск диаметром с сустав большого пальца человека: это и был сам Таспан. Планету Миндор изображала сверкающая точка, висевшая в метре от кончика генеральского носа. Тот едва замечал ее. Он был почти целиком поглощен угрюмыми размышлениями о том, что он моложе всех собравшихся по меньшей мере на десяток лет.

Человек, о котором шла речь, был совсем недавно произведен в чин генерала — и оказался самым молодым офицером в этом звании в составе Объединенных вооруженных сил Новой Республики, чаще называемых просто ВС НР. Он не походил не то что на генерала, но даже на простого солдата. Мягкие черты лица сбавляли ему возраст, и ему нельзя было дать даже его двадцать четыре года. Волосы песочного цвета, опаленные лучами десятка солнц разных звездных систем, не были подстрижены, как полагалось по уставу, а вместо обычной генеральской формы этот молодой человек носил простой облегающий летный костюм, словно пилот, которым он и был совсем

недавно. Только ранговая планка у него на груди напоминала о генеральском чине, и лишь отстраненное выражение и холодный блеск светло-голубых глаз свидетельствовали о том, через какие испытания он прошел, чтобы заслужить это звание.

Его личное оружие также нимало не соответствовало воинскому уставу: на поясе юноши висел отнюдь не офицерский бластер, как можно было предположить. Ни один генерал не носил такое оружие со времен конца Войны клонов.

Световой меч.

Семь из его двенадцати капитанов еще до битвы при Явине имели опыт командования отрядами, а трое из них имели в подчинении собственных бойцов еще во время Войны клонов — то есть еще до его рождения. Командующий флотом адмирал Калбак приходился дальним кузеном или каким-то другим родственником Акбару, и ему стукнуло по меньшей мере шестьдесят с гаком, а Т'Чттрк даже сама не знала собственного возраста, потому что ее народ, т'ккрпк, начал жить по стандартному времени только сто лет назад, с момента их Великого примирения, когда Т'Чттрк уже давно была взрослой и служила в вооруженных силах родной планеты, как и ее предки.

Сама по себе молодость совсем не тяготила генерала — обычно он ее не замечал. Его тревожило то, что все эти заслуженные ветераны, лучшие тактики и командующие Новой Республики не станут оспаривать его мнение, полагаясь исключительно на его мудрость, которая как будто подразумевалась сама собой.

Потому что он джедай, а джедаи всегда знают, что делать.

Эх, если бы так и было...

А сейчас он знал только одно: не надо было поддаваться на уговоры Хана и лезть не в свое дело.

* * *

— Люк, ты только послушай, — вкрадчиво произнес Хан, приобнимая юношу за плечи, — это дело плевое. — Кореллианин, похоже, полагал, что с такого ракурса Люк не заметит его кривой усмешки. — Если бы я мог его обстригать, тебя и беспокоить бы не пришлось.

— Коли дело такое пустяковое, почему ты от него отказался?

— Есть дела и поважнее, приятель. — Хан указал глазами на Лею. — Вот принцесса чрезвычайно важна, но не настолько, чтобы армейский генерал служил ей шофером и телохранителем. Для Новой Республики непозволительно, знаешь ли.

— Телохранителем? — фыркнула Лея. — Ты меня охраняешь? А кого я, интересно, раз за разом спасаю?

— Таким образом ты выказываешь свою любовь ко мне. — Хан ухмыльнулся девушке и снова повернулся к ее брату. — Я серьезно, Люк, — ты справишься. Тебя легко... В смысле, ты умом не обделен — почти как я, и ты, к примеру, куда сообразительнее, чем Лэндо. Тебе нужно будет только помалкивать и слушать, что тебе насоветуют подчиненные. Не давай им пререкаться и напускай на себя вид, что всегда знаешь, что нужно делать. Все просто. Скажи ему, Чуи.

Чубакка, развалившийся на диванчике у игрового столика, заложив лапы за голову, даже не приоткрыл глаз.

— Аррурр. Регхаррр.

— О, как всегда рад помочь другу! Люк, да ну его — он терпеть не может военных.

— Я тоже не уверен, что мне нравится быть военным...

Предложение генеральского чина стало полной неожиданностью для Люка, и не очень приятной. Через пару месяцев после победы над воинственным народом сси-руук Люк пошел к адмиралу Акбару и попросил освободить его от обязанностей командира летной эскадрильи. Он объ-

яснил, что уже некоторое время чувствует уверенность в том, что он сможет лучше послужить Новой Республике в качестве джедая, а не пилота. Акбар — старый и опытный солдат — тут же внес контрпредложение: принять командование формирующейся Оперативной группой быстрого реагирования. Она представляла собой почти целый флот, способный за пару дней достичь любой точки Галактики.

— Если ты и вправду хочешь послужить Новой Республике, юный Скайуокер, то эта работа для тебя. Я полагаю, что джедайская интуиция больше пригодится в командовании боевыми операциями, чем в медитации о природе Силы.

Люку было нечего возразить; он смог лишь попросить разрешения хорошенько все обдумать. Столкнувшись с тем, что ему предстоит принять решение, которое, скорее всего, определит весь его жизненный путь, он направился туда, где более всего чувствовал себя как дома, и обратился за советом к тем, рядом с кем он по-прежнему мог вести себя естественно.

И теперь он силился объяснить свои чувства Лее, Хану и Чубакке, расположившимся в пассажирском салоне «Сокола».

— Это непросто, — твердил Люк. — И я куда как уверен, что теперь вообще не будет просто. Вы хоть знаете, что обо мне снимают голотриллеры? И не документалки об атаке на «Звезду Смерти», к примеру, а выдумывают всякие небылицы!

— О да, я их смотрел. — Хан усмехнулся, доставая портативный голопроигрыватель из столешницы для деджарика и водружая его на стол. — Вот, прикупил пару месяцев назад. Развлекаюсь, пока Лея мечется по свету с переговорами, ну, или там прическу делает...

— Оставь мою прическу в покое, Соло, — процедила принцесса. — И я не шучу.

Люк взял голопроигрыватель в руки, пробежался по кнопкам и пролистал до заглавия — «Люк Скайуокер и драконы Татуина».

— Ты что, смотрел это барахло? — Юноша с отвращением мотнул головой и бросил прибор обратно Соло, который ловко поймал проигрыватель. — Дрянь дрянью! Такой отъявленной глупости еще свет не видывал!

— А что, на Татуине драконов не водится?

— Да водятся, водятся, — неохотно признал Люк. — Крайт-драконы. И они довольно опасны, особенно если столкнуться с ними в одиночку, но ты только посмотри на эту иллюстрацию! Да я никогда в жизни не сражался с ними световым мечом, сидя верхом на банте, и готов поклясться, что крайт-драконы огонь не выдыхают!

— Да расслабься ты, малой! — Хан помахал проигрывателем, широко улыбаясь. — Это ведь детские сказки, понимаешь? И я должен сказать, что некоторые из них ничего так сняты.

— Особенно те, в которых речь о тебе, — мрачно процедила Лея под нос, косясь на кореллианина.

Скайуокер широко раскрыл глаза:

— Это шутка такая?

Соло пожал плечами и разве что чуточку покраснел: его вообще трудно было смутить.

— Ты не единственный герой Республики, знаешь ли.

— Хан...

— Спроси у него, сколько он за это получает, — посоветовала Лея.

— Ты на этом зарабатываешь?

— Ну, я же не джедай. — Соло приподнял ладони, загораясь от Скайуокера — точно ожидая, что тот чем-нибудь в него бросит. — Я в некотором роде заключил соглашение с парочкой продюсеров о передаче эксклюзивных прав. Вскоре после Явина. Что тут непонятного?

— Да неужели?

— Если тут все понятно, — встряла Лея, — может, и мне кто-нибудь объяснит?

— Это была идея Лэндо, — начал оправдываться Хан. — Короче, меня во все это затащили, и было уже поздно давать задний ход. Кино получилось так себе, но ведь вреда от него никакого. Ну там «Хан Соло и пираты Кесселя», «Хан Соло в логове космических слизней».

— Значит, вреда никакого? — стиснул зубы Скай-уокер. — А ты видел тот пасквиль под названием «Люк Скайуокер и месть джедая»?

Соло выглядел озадаченным:

— А я думал, джедаи никому не мстят...

— Они и не мстят, то есть — мы не мстим. Как они только до этого додумались! В этом фильме я убиваю собственного отца — якобы в отместку за смерть Палпатина! Полный бред!

— Успокойся, Люк! Так писаки добавляют немного остроты в сюжет. Что тут плохого? Немножко жестокости придает тебе крутизны.

— Не надо мне такой крутизны!

— Людям нужны герои — а именно так героями и становятся.

— А я думал, что героями становятся, когда совершают что-нибудь героическое.

— Ты понимаешь, о чем я.

— Да уж! Отчасти из-за этого моя жизнь такая сложная. Все за мной наблюдают. Стараются взять в толк, кем я окажусь на поверку. И понять, как можно получить из этого выгоду.

Хан развел руками:

— Именно так, приятель, все в Галактике и происходит.

— Может, и так, — согласился юноша, — но мне обязательно в этом участвовать. Может, именно поэтому мне не хочется становиться генералом. Словно... как это

сказать... Словно я слишком тороплю события. Как будто я сам уговорил Акбара на это, чтобы стать кем-то необыкновенным.

— Ты и есть необыкновенный, Люк. Я всегда это тебе говорил!

— Но быть генералом и посылать других туда, где они должны будут отнимать чужие жизни или расстанутся со своей... — Скайуокер покачал головой. — Разыгрывать героя, когда ты стоишь у руля, — значит просто причинять боль многим.

— А кто разыгрывает-то?

— Люк, это назначение — прекрасная возможность, и не только для тебя, — вмешалась Лея. — Сила дает тебе многое, но есть и другие, гораздо более эффективные способы помочь людям, чем удары световым мечом. Джедай по временам может вызволять из беды, скажем, принцессу или двух, но генерал в состоянии спасти тысячи жизней. Миллионы! Ты нужен армии, Люк.

— Мне не одолеть тебя в споре, Лея. Я вообще не политик, и в анкорхедской сельской школе не учили вести диспуты. Но я все же джедай и должен вести себя по-джедайски. А стать генералом... Я чувствую, что это будет неправильно.

— Знаешь, в то время я был очень мал, — задумчиво произнес Хан, — и работа на Шрайка занимала почти все мое время, так что я мало следил за новостями, как ты можешь догадаться, но я припоминаю, что твой друг Кеноби сам был генералом во время Войны клонов.

— Я знаю. Но он об этом почти не говорил...

— Он всегда был скромн, — объяснила Лея. — Мой отец... то есть приемный отец столько всего рассказывал про Оби-Вана! Он был величайшим героем Республики. Именно поэтому я позвала его на помощь, когда меня раскрыли.

Люк покачал головой:

— Не так я представлял свою жизнь.

— И только-то? — удивился Соло. — Смелее, Люк. Никто и никогда не живет так, как он сам ожидает.

— Так уж и никто? — переспросил юноша. — А я припоминаю одного: у него есть собственный корабль, он отказался от чина, распростился с армией и по большей части занимается тем, чем ему вздумается. Мотается по Галактике со своим вторым пилотом, спасает принцесс и ни перед кем не отвечает, кроме как перед собой...

— Только перед собой? Да ты шутишь, братец? — потрясенно выпалил Хан. — Ты вообще знаком со своей сестричкой? Люк Скайуокер Татуинский, позвольте представить вам принцессу Лею Органу Алде... ой-й!

— Владычицу Острых Локтей, — закончила фразу Лея, довольно энергично приложив упомянутый локоть к ребрам бывшего контрабандиста.

— Ладно-ладно, мир, хорошо? — Хан потер бок, поморщившись от боли. — Шутки в сторону. Просто подумай об этом, Люк. Если бы жизнь сложилась так, как мы ожидали, мы бы вполне могли оказаться в битве при Явине.

— Ты думаешь?

— Разумеется. Только в качестве пилотов СИДов. Под началом у Вейдера.

Люк отвел взгляд.

— Иногда планы срываются, но это к лучшему... — продолжил Хан. — Приходится плыть по течению, понимаешь? И доверять Силе, ага? Предоставила бы тебе Сила такую возможность, если бы предполагалось, что ты ею не воспользуешься?

— Не знаю, — признался Люк.

— А почему бы тебе не спросить самого Кеноби? В следующий раз, когда тебе явится его призрак или как его там?

— Это не призрак...

— Все равно. Ты знаешь, о чем я.

Скайуокер покачал головой и вздохнул:

— Он... больше ко мне не является. Неделя проходит за неделей, а его все нет. Будто бы он ушел далеко-далеко и не может поговорить со мной.

— А может, это что-нибудь значит, — заявила Лея. Люк строго посмотрел на нее, и сестра пожала плечами: — Из меня такой же джедай, как из тебя политик... Но не думаешь ли ты, что твоя неуверенность сама по себе означает, что ты идешь в неверном направлении? Я хочу сказать, ведь обычно ты... не сомневаешься, как поступить?

— Да, — еле слышно ответил юноша. — Обычно я не сомневаюсь.

Люку на ум пришла присказка Йоды, да так живо, будто он услышал подлинный голос наставника: «Если вдруг Сила далеко, то это не Сила далеко, это ты неблизко».

— Полагаю... — нерешительно протянул юноша, — я не обязан посвящать этому всю жизнь...

Губы Соло растянулись в широченной улыбке.

— Так ты согласен?

Скайуокер кивнул:

— Пожалуй, что так.

Кореллианин хлопнул его по плечу:

— Спасибо, братец! Ты классный!

— Спасибо за что?

Хан улыбнулся еще шире:

— Акбар поклялся, что если я не уговорю тебя, то он взвалит все это на меня. «Хан Соло и Оперативная группа быстрого реагирования» как-то не звучит, не правда ли?

* * *

— Вот эффективный гравитационный радиус Миндора, — указал командер Тевиш. Офицер-координатор военной разведки в ОГБР значился среди присутствующих самым молодым, если не считать Люка, и при всем

при этом он был пятью годами старше Хана Соло, ну а Люка — и подавно. Он вдавил кнопку на пульте, и крошечный шарик Миндора вырос до размеров сферы десяти сантиметров в диаметре. — По стандарту наши «двойные семерки» должны расположиться здесь.

Три новых маленьких шарика сформировали равносторонний треугольник вокруг планеты в плоскости, примерно параллельной плоскости эклиптики. Четвертый и пятый шарики возникли под и над плоскостью. У ОГБР имелись пять «двойных семерок», то есть крейсеров-заградителей СС-7700/Е, каждый из которых мог создавать искусственное гравитационное поле размером в несколько сотен планетарных диаметров. Когда Тевиш включил демонстрацию возможностей этих кораблей, гравиполя, перекрыв друг друга, охватили пространство около пяти световых минут в поперечнике — то есть около девяноста миллионов километров, в пределах которых не сможет включиться ни один гиперпривод.

— Несмотря на улучшенные орудия точечной обороны, каждой из «двойных семерок» понадобится минимум одна эскадрилья истребителей для защиты, так как у нас нет точных разведанных о силах противника. Мы можем столкнуться с необходимостью отразить атаку как нескольких десятков, так и нескольких сотен СИД-защитников. Данные, захваченные во время операции у Спираны, показывают, что в производстве у врага находятся более десяти тысяч неучтенных истребителей. Разумеется, мы не можем с уверенностью сказать, что на оставшихся у Империи территориях не осталось работающих военных заводов. И это уже не говоря о том, что у противника в этой звездной системе могут быть перехватчики или другие истребители, неспособные преодолеть световой барьер.

Капитан Трент, командир «Регулятора», придвинулся ближе:

— А что по крупным кораблям?

— В набегах Макабра никогда не участвовали крупные корабли.

— Но это не значит, что их у него нет.

— Согласен, сэр. Но есть некоторые признаки того, что мы столкнемся в основном с истребителями. Трудность в том, что нельзя определить, сколько их будет.

Т'Чттрк вопросительно защелкала. Ее протокольный дроид D-серии, D-P4M, изящно склонил покрытую вольфрамом голову и негромко произнес:

— Коммандер со всем уважением просит, чтобы мы наконец перешли к хорошим новостям.

— Коммандер, это и есть хорошие новости, — возразил Тевиш. Он снова стал нажимать кнопки на пульте. — А плохие — вот...

Сверкающие облака, пронизавшие изображение звездной системы, сгустились так, будто вот-вот грозили стать настоящими.

— Это изображение поля обломков Таспана-2, составленное по показаниям наших радаров дальнего действия. Так называемый Большой Бум произошел в результате несчастного случая на имперском заводе при испытании гравитационного генератора нового типа. Планета была целиком раздроблена, и ее обломки размером от микрометеоров с булавочную головку до астероидов семи километров в диаметре разлетелись вокруг. Это произошло всего четыре года назад, и обломки до сих пор не легли на постоянные орбиты. Хуже того, когда случился Большой Бум, обе планеты Таспанской системы предельно сблизились друг с другом, притом что Миндор — ближайший к солнцу мир из двух. Поэтому, когда ошметки Таспана-2 устремились по спирали к солнцу, некоторые из них были захвачены притяжением Миндора и стали обращаться вокруг него по сильно вытянутым, непостоянным орбитам.

Адмирал Калбак подался вперед, подергивая щупальцами на подбородке.

— А эти орбиты совершенно невозможно нанести на карту?

— Командующий, даже если мы сможем увидеть их все на радаре — но это немыслимо, — ни один компьютер не сможет достоверно вычертить эти траектории. Само понятие орбиты, боюсь, подразумевает гораздо более спокойную ситуацию, нежели то положение дел, в котором очутился Миндор. Траектории полета глыб постоянно пересекаются друг с другом самым причудливым образом, обломки притягиваются друг к другу или же попросту сталкиваются. Обратите внимание на эти цифры...

Каждое облачко теперь обзавелось сияющими цифрами, которые перемещались вместе с ними. Числа медленно менялись, возрастая или уменьшаясь. Когда облачка соприкасались, зоны перекрытия порождали свои числа — очень большие.

— Эти числа представляют собой, по нашим самым точным оценкам, плотность каждого большого поля обломков. Каждое из них — это число тактически значимых объектов на кубический километр. Под тактически значимым мы подразумеваем достаточно большой объект, который способен нанести существенный вред кораблю флота, несмотря на заградительный огонь и противоударный щит.

Капитан Патрелл, седой кореллианин, командующий «Минутки», выругался настолько грубо, что по крайней мере четверо других офицеров вздрогнули:

— И некоторые из показателей зашкаливают за сотню, а то и за несколько сотен?

— Да, сэр.

Капитаны кораблей обменялись мрачными взглядами. Перспектива вести крейсера, которые и сами занимали значительную долю кубического километра, через такую астероидную бурю их явно не радовала.

— Давайте рассмотрим ситуацию с другой стороны. — Докладчик снова защелкал пультом, и у облачков появи-

лись другие числа. — Эти данные означают вероятность катастрофического столкновения, то есть такого, которое повлечет значительную утрату боеспособности корабля и экипажа.

Люк позволил себе прикрыть глаза:

— Значительная утрата боеспособности? Это означает, что экипаж погибнет? А корабли будут повреждены или уничтожены?

— Да, сэр.

— Тогда так и говорите.

— Сэр?

— Это приказ, Тевииш. Не надо эвфемизмов.

С горечью Люк подумал, что еще пять лет назад он и не подозревал, какой может быть смерть. Впервые он ощутил на собственном опыте, что это такое, когда увидел обугленные останки дяди Оуэна и тети Беру и дымок, который поднимался вверх, в сгущавшиеся татуинские сумерки...

С тех пор он многое усвоил — и отнюдь не только то, что относилось к джедайским искусствам.

— Хорошо, сэр. Так принято у джедаев, да?

— Нет, — ответил Люк. — Так принято у генерала Скайуокера. Когда ты на словах характеризуюешь человека как набор определенных функций, а не как личность, то неровен час начнешь и думать о нем схожим образом.

— Да, сэр. — Тевииш повернулся обратно к голографической схеме. — Мы использовали «двойные семерки» в качестве примера, так как они являются кораблями наиболее усредненного размера в составе нашего подразделения. Например, шанс катастрофического столкновения у такого транспорта составит одну целую восемьдесят пять сотых процента.

— Это меньше, чем один из пятидесяти! — Капитан Патрелл затряс головой, усмехаясь. — А я уж было испугался!

Люк, не открывая глаз, спросил:

— А каков временной интервал?

— Сэр?..

— Одна целая восемьдесят пять сотых процента за какое время?

— Ах да. Вероятность подсчитана для момента проникновения в систему. То есть в одно мгновение.

Капитан Патрелл перестал улыбаться.

Люк кивнул:

— А что потом?

— Ну, статистическое моделирование — это сложный процесс со множеством неизвестных. Если предположить, что корабль не будет, э-э, мгновенно уничтожен, мы можем попробовать рассчитать...

— Допустим, рассчитайте для одного часа.

Когда появились новые цифры, выражения лиц стали еще мрачнее. После одного часа пребывания в системе вероятность составила более двадцати процентов.

— Значит, в сущности, вы хотите сказать, — негромко протянул Люк, — что спустя час после начала операции мы потеряем два корабля. Даже если противник ни разу не выстрелит.

— Ну, математика предполагает более сложные подсчеты...

— Но суть такова.

Тевиш сконфуженно кивнул:

— Да, по сути, вы правы.

— Да это сущее кладбище! — выпалил Патрелл. — Для крупных кораблей...

— Таспанская система — это почти идеальная база для истребителей, — заявил Тевиш. — Истребитель невелик в размерах и достаточно маневрен, чтобы избежать столкновения с астероидами. Но чтобы не дать Макабру ускользнуть, нам нужны заградители — иначе все его войска просто растворятся в гиперпространстве. Тем не менее

наши заградители слишком уязвимы, и мы не можем позволить себе отправить их в бой.

— Этот Ар Макабр неглуп, — заметил Люк. — Он знал, что делал, когда обустроивался на Миндоре.

Он поднял взгляд на потолок и глубоко вздохнул, от всей души желая урвать часок-другой на отдых и медитацию, чтобы призвать на помощь ту самую пресловутую джедайскую интуицию, которую ему полагается иметь... Но времени на это не было. Как же жаль, что Бен — или учитель Йода, или даже его отец — не может вставить в разговор хотя бы одну мудрую мысль... Но их призраки в Силе, очевидно, пребывали где-то в другом месте. Вот уже несколько месяцев кряду.

Озарения от Силы ждать не приходилось. Оставалось лишь положиться на собственную интуицию.

Хорошо бы этого хватило.

Люк вздохнул:

— Что же, мы не можем их пересидеть и не можем их выкурить. И на генеральное сражение тоже рассчитывать не приходится. Значит, нам остается только одно.

Адмирал Калбак кивнул:

— Атака превосходящей силой. Страх и трепет.

Коммандер Тевиш задумчиво склонил голову:

— В конечном итоге это может сберечь много жизней. По крайней мере, наших. А может, и жизней противника. Если показать им, что им никак не прорваться с боем, — они могут просто сдаться.

— Спасать жизни — это чудесно, если возникнет такая возможность. Но победа важнее, — провозгласил Скайуокер. — Если мы позволим войскам Макабра ускользнуть, они могут рассеяться, пуститься в бега и образовать небольшие независимые отряды. А уж кому, как не нам, знать, сколько вреда могут нанести подобные децентрализованные партизанские объединения. Именно

так мы и низвергли Империю. Так что сейчас наш лучший шанс столкнуться с Макабром лоб в лоб.

Люк оглядел собравшихся, заглянув каждому в глаза.

— Каждый из вас должен понять одно: у нас в закромах лишь небольшой резервный флот, и некому будет прикрыть наш отход, если дела пойдут совсем плохо. Самоотдача должна быть полной. Нам нужно все или ничего.

Подчиненные один за другим мрачно кивнули в ответ на его пристальный взгляд.

— Отлично, — сказал Люк. — Доложите о готовности в течение часа. Выдвигаемся через три.

ГЛАВА 3

Эона Кантор лежала, распластавшись на вершине зубчатой скалы, щурясь в окуляр электробинокля, через который округа различалась как в тумане — все из-за того, что внешние линзы подвергались нещадному воздействию поднятых в воздух облаков песка, которые вполне сходили на Миндоре за атмосферу. Бугры ноздреватой лавы скрывали Эону от чужого взгляда, и ей не стоило беспокоиться о тепловизорах, потому что камни вокруг были нагреты полуденным солнцем, в то время как зазубренные кусочки лавы, прилепленные к ее защитному комбинезону, создавали превосходный камуфляж против любых датчиков, работавших и в видимой части спектра. В ее текущем положении все эти факторы были как нельзя кстати, а само положение было таково: менее чем в десяти километрах от огромного дымящегося вулкана.

На самом деле ни вулканическое жерло, ни исходящие из него пары ее ничуть не волновали; женщину интересовало только двойное кольцо турболазерных вышек планетарной защиты, окружавшее этот вулкан, а также комариное жужжание СИД-истребителей, которые сновали через всякие видимые трещины в горном склоне.

И эта картина ничуть не менялась, сколько раз ни посмотри.

Нахмурившись, Эона убрала рыжий локон со лба и настроила электробинокль на большее увеличение.

— Не понимаю, — буркнула она. — Трипп, он что, серьезно про помехи?

Мужчина в аналогичном комбинезоне, украшенном кусочками лавы, лежавший в нескольких метрах позади нее и ниже по склону, пожал плечами:

— Что мне Боуки сказал, то я тебе и передал. Подпространство чисто. Если захочешь, можно послать сигнал до самой системы Тригаскийского Пятна.

— С чего бы Макабру отключать подпространственные помехи? Прямо после набега... Бессмыслица какая-то.

— А мне откуда знать? Спроси лучше его самого.

— Если я когда-нибудь до него доберусь, — процедила она сквозь зубы, — у нас будут более важные темы для разговора.

— Есть! — послышался крик еще ниже по склону, из расщелины, где прятались остальные члены отряда. — Эй, Эона! Получилось!

Женщина плотнее вжалась в камни и прошипела:

— Трипп! Скажи этому идиоту, пусть не орет так громко!

— А зачем? Кто его тут услышит?

— Ты будешь со мной спорить?

— Ах, Эона, да ладно тебе...

— Черные штурмовики могли начинить эти скалы акустическими датчиками. Здесь могут бродить их патрули. Ты понимаешь, почему нас раз за разом находят плавильщики? И я тоже не понимаю. А пока мы в этом не разобрались, следующий, кто заговорит не шепотом, схлопочет моим бластером по лицу.

— Эона...

— А следующему, кто будет оспаривать мои решения, я съезжу по...

— Хорошо-хорошо. Не так громко. Успокойся, ага?

Трипп наполовину соскользнул, наполовину сполз вниз по каменному склону по направлению к расщелине.

Эона снова прижала окуляр к глазам. Вот когда она окажется далеко от этого вонючего каменного шарика, тогда и успокоится...

Позади о лаву заскребли подошвы чьих-то сапог, и она увидела, как Трипп снова взбирается по склону.

— Ерунда, — бросил он.

— Какая именно?

Напарник брезгливо отмахнулся:

— Ерундовая. Всего пара импульсов, как при эхолокации...

Эона нахмурилась сильнее:

— Эхолокации?

— Да — какой-то сигнал и еще эхо, похожее на ответ приемопередатчика...

— Я знаю, что такое эхолокация, — процедила она. — Откуда шел исходный сигнал?

Трипп пожал плечами:

— Вероятно, не из этой системы. От ретранслятора Голосети или чего-то подобного.

— А откуда пришел ответ? Отсюда?

— Ну да. А как... как ты узнала?

Женщина уже спешно ползла вниз по склону:

— Всем встать! Встать!

Бойцы в обклеенных кусочками лавы комбинезонах, занявшие позиции в небольшой пещере, повскакивали на ноги.

— Всем приготовиться к бою! — Эона пробежала между ними к своему мотоспидеру. — Все спидеры, свупы и скиммеры поднять в воздух через пять минут. Кроме оружия, энергоячеек и медпакетов, ничего не брать. Боевая тревога!

— Тревога? — переспросил Трипп, спеша за ней. — Что происходит?

— Ты думаешь, что спустя столько месяцев генераторы помех выключили случайно? Как раз тогда, когда нужно

было пропустить импульс, который может исходить от следящего устройства?

Напарник Эоны нахмурился:

— Что, это ловушка?

— Не для нас, но было бы обидно случайно в нее угодить. — Женщина достала бластер и проверила заряд, затем крутнула оружие на пальце и ловко отправила его обратно в кобуру. На миг ее лицо осветила улыбка. Но только на миг. — Мы побудем здесь и подождем, но должны быть готовы к отходу.

* * *

Командир летного подразделения полковник Клик замер по стойке смирно. Черный летный шлем блестел, покоясь на его затянутой в черный доспех руке. Не обращая внимания на мольбы, жалобы, проклятия, а временами и вопли пленников, доносящиеся из Зала отсеивания у него за спиной, он упрямо смотрел на большую дюрастальную плиту, закрывавшую проем размером с истребитель в стене вулканической пещеры. Скоро, совсем скоро плита сдвинется и Раб поманит рукой, чтобы он, полковник Клик, предстал пред очи самого владыки Макабра.

Дабы понести наказание за свою неудачу.

Несмотря на дюрастально-серый оттенок поредевших волос, на лицо, изрезанное глубокими морщинами, на шрам от ожога, который пересекал щеку и остатки левого уха, стоило Клику снять шлем, и каждый, кто знал штурмовиков, тут же понимал, что этот — особенный. Клик был копией самого Фетта, прошел Войну клонов от Джеонозиса до мятежа джедаев и гордился этим. И это было единственное, что тешило его самолюбие: Клика ничуть не тревожило, что его прозвище, выдуманное каким-то юмористом-падаваном уже двадцать пять лет назад, звучит глуповато. «Кликом» на жаргоне назывался километр, и это

была отсылка к серийному номеру, который ему дали еще в учебке: ПШ-1000, то есть пилот-штурмовик-тысяча.

Просторная пещера вокруг него была расширена и облеплена местной породой — плавмассивом, а выплавлена так, чтобы превратиться в сводчатый зал из черного стекла. На стенах и потолке отражалось множество холодных зеленых огоньков: в десяти метрах над полированным полом размеренно кружилась стайка репульсорных световых сфер. На полу то там, то тут кучковались пленники, пытаясь уместиться как можно удобнее на этой голой холодной поверхности.

Толпа была разношерстной: имелись тут и нищие бродяги, и аристократы, и воры, и офицеры Восстания. Они были той самой добычей, на которую все последние месяцы охотились подразделения СИД-защитников Клика в Среднем кольце Галактики. Трех-четверых забрали в одном месте, еще полдесятка — в другом, но чтоб сразу многих — такого никогда. Не стоило вызывать у повстанцев подозрения. Грабежи и разрушения, учиняемые во время набегов, служили лишь прикрытием: пленники пропадали без вести, и их не должны были искать семьи, друзья и органы власти их родных планет. Их должны были признать погибшими во время набегов.

И все ради того, чтобы эти пленники могли навсегда исчезнуть.

Исчезнуть и попасть на Миндор. В Зал отсеивания владыки Макабра.

За спиной у Клика по полу зала скользили четыре-пять Рабов; полы их длинных одежд волочились позади. Порой один из Рабов останавливался, и обведенная красным тень от его широкого серповидного головного убора падала на одного из пленников. Рабы всегда молчали и никогда не меняли выражения лиц — да и не могли, ибо их лица были голографиями и проецировались их «коронами», — но иногда из темного широкого рукава появлялась бледная

рука. Если узнику везло, то за режущим жестом следовал залп бластерного огня в его спину. Если не везло, то длинный бледный палец возлагался на голову узника, и это значило, что он был произведен в Рабы.

Позади в пещере раздался визг нейропарализатора, и Клик безошибочно понял, что еще одному пленнику очень не повезло. И точно: вскоре приблизились два Раба, волоча под руки бесчувственное тело подростка пятнадцати-шестнадцати лет. Дюрастальная плита подалась назад и тихо скользнула в сторону, открыв взгляду литой коридор. Клик продолжил стоять навтыжку; на его лице не дрогнул ни единый мускул, пока Рабы тащили юношу мимо него внутрь.

Он терпеливо ожидал этого вызова с тех самых пор, когда группа СИДов его летного подразделения с трудом доковыляла до базы после бесславного боя с фальшивой «Королевой Кореллии». Клик был готов ждать весь день. Или два. Или целую неделю, если понадобится.

Нет, он не боялся гнева Макабра; властелин Мрачного престола не был таким сумасшедшим, как Вейдер, который мог убить верного подчиненного в приступе раздражения. Клика удерживало на месте ни больше ни меньше как страстное желание быть достойным доверия, которое оказал ему Макабр. Если бы терпеливое ожидание помогло великому делу, клон стоял бы навтыжку, пока не скончался бы от голода.

Еще год назад полковник Клик всего лишь командовал одной эскадрильей — в тот самый черный день, когда повелитель Вейдер совершил государственную измену и трусливо убил Палпатина Великого, что позволило Альянсу повстанцев ускользнуть из засады у лун Эндора. Крах второй «Звезды Смерти» мало что значил по сравнению с тем разбродом и шатанием, которые воцарились в имперских вооруженных силах после смерти их возлюбленного Императора. Без предводительства великого человека им-

перские войска разделились на группировки, враждующие из-за клочков территорий, на которые сумели наложить свои лапы местные моффы или адмиралы. Одна за другой вспыхивали распри: имперец шел на имперца!

Тогда-то и появился Ар Макабр.

Никто не знал его настоящего имени. Никто не знал, откуда он взялся. Но всякому, кто слышал хотя бы звук его голоса, было ясно, что он не просто какой-нибудь мофф, генерал или адмирал с притязаниями на императорский трон. Стоило лишь предстать пред очи Макабра, и это повергало в трепет, словно он был самим Императором.

Когда по имперским территориям пополз слух о новом вожде, таинственном человеке, который мог сравниться познаниями и дарованиями с самим Палпатином, Клика назначили командиром эскадрильи на службе у адмирала Крейвена, самопровозглашенного правителя звездного скопления в Среднем кольце, и приказали разделаться с этим новым выскочкой. Но вместо боя означенный выскочка оказал эскадрильям Клика самый теплый прием, приветствовав их подлинными командными кодами, в том числе даже собственными секретными кодами Палпатина, которые были внедрены глубоко в подсознание Клика еще на Камино. Макабр утверждал, что сам Палпатин назначил его своим доверенным сенешалем, дабы удержать престол для императорского наследника; что сам Палпатин выдал ему эти коды, чтобы каждый верный клон понял, что именно Ар Макабр по праву, пусть и временно, управляет Галактикой.

Об измене Вейдера Клику поведал сам Макабр — рассказ о трусливом убийстве своего давнего друга и благодетеля, рассказ столь горестный и мрачный, что даже сейчас, при одном воспоминании о нем, Клика чуть ли не бросило в дрожь. Да это чудовище в черных доспехах могло бы умереть много лет назад, если бы не забота и щедрость великого человека — и как же Вейдер ему за

это отплатил? Среди клонов было широко известно, что Дарта Вейдера призрели из милосердия; что его жизнь спасли в одном из превосходных медучреждений Палпатина — в Императорском центре восстановительного лечения на Корусанте, — не требуя взамен никакой платы. Забота и щедрость властителя не только простерлись на жизнь Вейдера, но и даровали ему искусственные руки и ноги, превратив беспомощного инвалида, вероятно, в самого грозного и могущественного индивида в Галактике.

Это был лишь небольшой фрагмент самого лучшего голотриллера, когда-либо виденного Кликом. Макабр сам сотворил его и теперь распространял во всех системах, еще верных имперской мечте.

Голотриллер «Люк Скайуокер и месть джедая» во всех красках показывал, как росло безумие, а вместе с ним и непомерное честолюбие Вейдера; как темный повелитель притворно согласился с планом Палпатина спасти последнего оставшегося в живых отпрыска героя-джедая, Энакина Скайуокера, от пут злобной лжи, в которые того заманили повстанцы. Когда же Люк Скайуокер наконец оказался на мостике второй «Звезды Смерти», а Палпатин поклялся в великой любви к отцу Скайуокера, который, как знали все честные клоны, был истинным любимцем Императора до своей трагической безвременной кончины во время мятежа джедаев, Вейдер окончательно сошел с ума.

Именно Вейдер, как беспощадно точно было отражено в фильме, всегда тайно мечтал унаследовать власть Палпатина. Именно Вейдер в своем безумии считал себя ставленником Императора. Он даже попытался склонить молодого Скайуокера на сторону зла, вовлечь добродетельного юного джедая в свои изменнические планы, но молодой Скайуокер открыто отринул безумные козни темного повелителя. И поэтому в тот печальный день у луны Эндора, когда Палпатин встретился с юношей, сыном своего близкого товарища и единственного джедая, который остался

верен Сенату и канцлеру во время мятежа своих собратьев по Ордену, и открыл Люку, что именно ему предназначено стать новым императором, Вейдер впал в иступление. С полным ярости криком он бросился на свою жертву, точно кровожадный ранкор.

Неискушенный юный Скайуокер в ужасе смотрел, как чудовище в черных доспехах налетает на хрупкого старика, который однажды проявил к нему дружелюбие. И лишь когда Палпатин был смертельно ранен Вейдером, молодой джедай отошел от шока. Воспылав праведным гневом, он восстал против самого грозного воина в Галактике и пронзил убийцу в черной броне, отнявшего жизнь у лучшего друга его покойного отца. Увы, Палпатина уже было не спасти: бедный Скайуокер мог только отомстить за смерть великого человека.

И пусть Клик понимал, что видел только драматическую постановку, она буквально дышала правдой и казалась куда реальнее, чем сухие факты.

Именно горе Люка Скайуокера и ощущение им своей вины за то, что ему не удалось спасти Императора, как объяснял Макабр, привели его обратно в цепкие объятия повстанцев. Джедаю казалось, что он не заслуживает ничего иного, как опять примкнуть к рядам изгоев и воров, пиратов и убийц из Альянса.

— И именно об этом я прошу тебя, командер, — обратился к нему в тот день владыка Макабр. — Исполни вместе со мной последнее желание нашего возлюбленного Императора — исцелить разбитое сердце сына последнего подлинного героя среди джедаев и посадить Люка Скайуокера, истинного наследника Палпатина, на его законный престол — единовластного правителя Галактической Империи.

Клик был горд поставить свои войска на службу владыке Макабру и присоединиться к его великой борьбе за то, чтобы снова собрать Галактику воедино. Для клона не

было большей чести, чем сложить голову за избранного Палпатином наследника, и владыка наградил его за преданность повышением в звании и поставил под его начало целый истребительный полк. Клик надеялся только на то, что переживет грядущую смуту и когда-нибудь удостоится чести лично преклонить колено и принести клятвы верности новому, взошедшему на престол императору.

А теперь в самой глубине литого коридора один из Рабов вдруг замер и повернулся, будто почувствовав мысли Клика. Бледная рука поднялась и поманила его. Клон последовал за ними — в Зал избрания.

Он уже бывал там и знал, чего ожидать. Он не раз пытался заставить себя не смотреть на избранников; старался вышколить свои мысли и думать лишь о том, что избранникам несказанно повезло подняться из бедственного положения и теперь им предоставлена потрясающая возможность послужить великому делу. Он старался, но у него так ничего и не вышло.

Каждый раз, когда он входил туда, он не мог отвести от избранников глаз, не мог перестать их слышать и уж тем более не мог думать, что им повезло. Они всегда были и останутся беспомощными жертвами, которые кричат от ужаса, всхлипывают и умоляют оставить их в живых. Их приносили в жертву — трагически необходимую жертву — ради исполнения плана Макабра по воцарению Скайуокера.

Рабы перед ним тащили парализованного узника к свободному Столу порабощения — плоскому каменному цоколю, слепленному из местного плавмассива. Опустив узника на пол и позволив ему привалиться к краю стола, они достали нейропарализаторы. Несколько быстрых выстрелов в поверхность стола — и электрокристаллическая структура плавмассива изменилась: гладкий камень в покоем на гроб углублении размером с тело стал жидким, приняв консистенцию холодной лыковой каши. Затем Рабы

водрузили пленника на стол и прижали бесчувственное тело к жидкому камню, который принялся обтекать его конечности и туловище, пока снаружи не осталась только голова. Рабы бережно поддерживали подбородок, пока камень снова не затвердел, облепив шею и подбородок избранника.

Точечная, тщательно отмеренная доза радиации — и на его лице и голове не осталось ни единого волоска. После этого Рабы явили на свет пару лазерных медицинских пилок с функцией прижигания раны и начали отпиливать верхнюю часть черепа.

Но не эти действия вызывали крики, рыдания и мольбы, столь характерные для процесса порабощения: избранники не приходили в сознание и не ощущали все отвратительные подробности удаления верхней части своего черепа. Крики, рыдания и мольбы начинались тогда, когда избранник пробуждался во время нейрондирования, когда избирательно возбуждалась деятельность различных нервных узлов открытого мозга. Мучения, впрочем, довольно скоро прекращались; нейронды быстро обнаруживали точное расположение, к примеру, нервного узла, отвечающего за щекотку, и крики внезапно переходили в хихиканье. А стоило должным образом простимулировать обонятельные рецепторы, и хихикающий избранник, ощутивший запах, как он думал, жареного бифштекса из банты, тут же начинал вожделеть кусочек — и, пожалуй, еще кружечку восхитительно густого горячего шоколада, который, как он был уверен, варили здесь неподалеку.

И на всякий нервный узел — от тех, что отвечали за восприятие синего цвета, до тех, благодаря которым шевелились пальцы ног, Рабы помещали крохотный кусочек плавмассива — того самого, из которого состоял Стол порабощения; того самого, из которого были выплавлены Зал избрания и вся пещера снаружи. А после того как череп возвращали на место, эти кристаллики разрастались

внутри мозга избранника и образовывали сверкающую решетку.

У каждого Раба в мозгу было полно бриллиантов.

Клик не знал, по каким признакам выбирали будущих Рабов, не постигал небольших отличий в ранге среди них и не понимал, почему некоторые из них иногда командовали, а иногда только получали приказы от тех, кем недавно распоряжались. Клон знал только, что когда на избранника надевали его серповидную «корону» и он становился полноценным Рабом, то по чину он тут же начинал превосходить любого штурмовика, пилота и офицера. Его малейшему жесту повиновались так, будто он исходил от самого владыки Макабра. Рабы крайне редко что-то говорили, но их жесты обладали таким своеобразным красноречием, что их приказания сразу же становились понятны самому тупоголовому штурмовику. Клик подозревал, что в этом была как-то замешана Сила.

Он ничегошеньки не понимал в Силе, хотя и не сомневался в ее существовании; во время Войн клонов Клик видел, как ее пускали в ход бессчетные джедаи. Он не был любопытен; его создали не для проявления своей проницательности, а для послушания. Его вполне удовлетворяло, что Сила остается для него загадкой — зато было крайне удобно объяснять ее вмешательством любые непонятные обстоятельства.

Например, каким образом владыка Ар Макабр мог придавать форму плавмассиву одной лишь только силой воли? Простой электромагнитный импульс был способен временно нарушить необычную кристаллическую структуру камня, но это не объясняло того, что плавмассив словно оживал, стоило владыке Макабру оказаться поблизости. Клик не раз присутствовал при этом. Макабр простирал руку перед собой, и камень начинал течь и принимать причудливые формы, с готовностью выполняя самые невероятные пожелания владыки.

Впереди него подал знак другой Раб. Он стоял у си-
зой стены из плавмассива, но как только Клик двинулся
к нему, Раб повел рукой, будто маня его к себе, и камень
начал раздвигаться, образуя перед солдатом углубление в
несколько метров. Клон немедля вступил в него и даже не
моргнул, когда порода у него за спиной сомкнулась, отрезая
белый свет и возможность к отступлению. Он продолжил
двигаться в абсолютной темноте, не сбиваясь с шага; он
слепо уверовал, что камень, продолжая сдвигаться позади,
продолжит и раздвигаться впереди.

А если порода не захочет пропустить его, если владыка
Макабр пожелает, чтобы он был заживо погребен в нака-
зание за свои грехи, штурмовик встанет и будет стоять до
тех пор, пока не кончится воздух, а затем заснет навеки.
Ни один клон, появившийся на свет в инкубаторе и воспи-
танный в общей каминоанской школе, даже теоретически
не мог постигнуть смысла клаустрофобии, а уж тем более
страдать ею.

Его волосы всколыхнул легкий ветерок, и стук соб-
ственных каблуков по камню начал вызывать множествен-
ное эхо; пусть штурмовик этого и не видел, но горная по-
рода раскрылась перед ним и впустила в зал, где царила
непроглядная ночь.

— Ни шагу дальше, полковник, — прозвучал в
беспросветной пустоте голос владыки, явившись одно-
временно отовсюду и ниоткуда, будто сама тьма обрела
язык. — Ваше донесение?

— Владыка... — Солдат наклонил голову. — Я сожа-
лею, но должен сообщить вам, что...

— Не надо сожалеть, Клик. Просто сообщите.

— Корабль на Кореллианском пути, который вы при-
казали нам... то есть который нам было приказано атако-
вать... Повстанцы подстроили нам ловушку. Фальшивый
лайнер «Королева Кореллии» был начинен истребителями.
Каким-то образом... — Клик тяжело сглотнул. Следующие

слова подпишут кому-то смертный приговор. Может быть, даже ему. — Каким-то образом они знали, что мы нападем.

— Знали?

— Наверняка, владыка. Они не только ждали в засаде, но и приготовили новое оружие — торпеду неизвестного мне типа, придуманную нарочно против наших превосходящих СИД-защитников. Мои истребители были вынуждены отступить, потери составили почти тридцать процентов. Владыка... — Клик опять сглотнул. — Владыка, я думаю, у нас завелся шпион повстанцев. Здесь, на Миндоре.

— Неужели? А нельзя ли объяснить это как-то по-другому?

— Нет... Не могу себе представить, владыка...

— А я могу. Но продолжайте. Ведь это еще не все, не так ли?

— Верно, владыка. Мы перехватили сигнал. Какой-то импульс от подпространственного передатчика. Мы отследили его до СИДов, поврежденных в бою на Кореллианском пути. Мы обнаружили это, когда... — Клик снова тяжело сглотнул, точно рот его был набит камнями, и он пытался их разом проглотить. — Когда генераторы подпространственных помех отключились.

— Вот как.

— Это работа повстанческого шпиона, владыка, помните мое слово!

— Нет, отнюдь. Генераторы отключили по моему приказу.

— Владыка? — Солдат растерянно моргнул, пытаясь постигнуть услышанное. Неужели сам Макабр предал свое великое дело? — Владыка, я боюсь, что эти торпеды были созданы для того, чтобы подбросить на истребители маячки...

— Ну наконец-то!

— Владыка?

— Клик, вы отлично справились. Лучше и быть не могло.

— Владыка, я полагаю, что повстанцы нашли нас! По самым последним донесениям разведки, они создали целую оперативную группу, которая пребывает в постоянной боеготовности. Владыка, флот может быть уже на пути сюда!

— Может? Нет уж. Он уже точно в пути.

Клик опять ошеломленно заморгал:

— Мне объявить боевую тревогу, владыка?

— Разумеется, нет. Ведь нам нельзя показать нашим незванным гостям, что мы их ждем? Мы не будем действовать столь топорно.

— Я... то есть... Гм... — Солдат понадеялся, что вопрос был только риторический.

— Прикажите силам космической обороны уйти с позиций и вернуться на базы, но экипажам не покидать кораблей и не выключать двигатели! А также прикажите всем гравитационным подразделениям приготовиться действовать по моей команде.

— Но если враг ударит, когда наши силы будут на поверхности планеты, мы понесем огромные потери... Владыка, это может стоить нам битвы!

— Мы проиграем эту битву, — донесся голос из темноты. — Мы должны ее проиграть: именно это поражение приведет Империю к ее законному правителю — императору Скайуокеру!

ГЛАВА 4

Одинокий пассажирский челнок, поблескивая в лучах Таспана, покинул атмосферу и ловко проскользнул между бешено мельтешащими астероидами, наводнившими орбиту Миндора. Поднявшись выше, корабль начал выписывать длинную, изящно изогнутую кривую, широко обходя скопления радиоактивных обломков — останков многочисленных СИД-защитников Макабра.

Восседавший на командирском мостике «Справедливости» лейтенант Тубрими отвел свой выпуклый черный левый глаз от приборной панели:

— Невооруженный челнок, сэр! На борту всего один человек... Вызывает нас под мирным флагом. — Красно-золотые черточки на его радужке светились восторгом. — Это сам Макабр, сэр!

Адмирал Калбак подался в своем кресле вперед. Его мигательные перепонки сомкнулись, а затем приоткрылись лишь наполовину — так мон-каламари выражали удовлетворение.

— Примите вызов.

Лейтенант перепончатыми пальцами выписал в воздухе над приборной панелью сложный пасс, и голопроекторы мостика ожили.

Над полом возникла светящаяся неподвижная фигура высокого человека в одеждах столь длинных, что те со-

бирались в складки у его ног. Руки, сложенные на груди, утопали в широких рукавах. Лицо было бледно, как у мертвеца, и столь же неподвижно. Глаза обведены черным. Голову украшал странный убор — перевернутый полумесяц, такой же широкий, как и его массивные плечи. Контур этого серпа окружал лицо, в точности как солнце, наполовину севшее за горизонт в тучах, обрамляет силуэт горы.

— Неопознанный крейсер Альянса, — раскатисто пророкотала фигура глубокоим, как подземная пещера, голосом, — я владыка Ар Макабр. Вы нанесли нам поражение. Я почтительно прошу разрешения взойти на борт, дабы официально просить пощады для моих подчиненных.

— Это все, — сообщил лейтенант, и голограмма погасла.

Калбак никогда не был экспрессивен, но в его голосе прозвучала тихая радость, когда он повернулся к молодому человеку, стоявшему подле его кресла:

— Похоже, вас уместно поздравить, генерал.

Тот остался в той же позе, в какой неподвижно простоял на мостике «Справедливости» в течение всего полета: руки сложены за спиной, одна бровь слегка нахмурена. Позади генерала был примагничен к палубе дроид серии R2, с терпеливостью, достойной электронного механизма, ожидая распоряжений хозяина. Генерал, казалось, прислушивался к какому-то слабому звуку, доносившемуся из неведомых пределов, и было яснее некуда, что ему не нравится то, что он слышит.

Голос Макабра... Люк не мог прийти к определенному выводу. В голосе было что-то непонятное, какой-то странный резонанс, показавшийся ему и до боли знакомым, и просто неестественным...

— Генерал? — снова обратился к нему Калбак. — Поздравляю вас...

— Рано, — мрачно обронил Люк.

Битва была разыграна точно по нотам. Неожиданный выход из гиперпространства у самого края гравитационного поля Миндора Двадцать третьего авиационного крыла, очевидно, застал войска Макабра врасплох. Из-за этого Y-истребители успели сделать целых два захода со сбросом торпед по Миндорской базе до того, как первые СИД-защитники сил обороны смогли подняться на орбиту, чтобы вступить в бой с X- и В-истребителями Двадцать третьего. В сумятице завязавшегося боя Y-истребители сумели не раз и не два повторить этот заход. Битва у границы атмосферы Миндора оттянула силы обороны со всей системы, и все двенадцать крупных боевых кораблей Оперативной группы быстрого реагирования беспрепятственно прыгнули к планете.

Пять крейсеров-заградителей завершили прыжок в точности так, как и намеревались, — образовав правильную четырехгранную дипирамиду с планетой Миндор в ее геометрическом центре. Они включили свои гравигенераторы, и те окружили планету гравитационной тенью более семи световых минут в поперечнике. Но до включения генераторов в систему успели совершить прыжок остальные семь кораблей. Шесть из них были весьма разношерстным сборищем: были среди них и парочка переоборудованных ударных крейсеров класса «Аккламатор-2», и побитый временем боевой корабль класса «Бастион», построенный Техносоюзом еще до Войн клонов. Из общего у них были разве что модифицированный гиперпривод класса 0.6, многозарядные щиты-отражатели и противоударные щиты, да еще способность перевозить не меньше трех полных эскадрилий истребителей за раз.

Дополняли эту нескладную, наспех собранную компанию многочисленные десантные корабли класса «Джату» еще доимперской эпохи, прикрепленные к корпусам крейсеров магнитными захватами. Они не только усиливали